

Я. Г. СОЛОДКИН

К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева

«Временник» Ивана Тимофеева, принадлежащий к крупнейшим публицистическим памятникам Смуты, обнаруживает широкую начитанность автора. Вместе с тем своеобразие стиля произведения затрудняет выяснение его источников. К их числу с достаточной определенностью относятся только Александрию, Троянскую историю, Историю Иудейской войны, повесть о Варлааме и Иоасафе, Степенную книгу.¹

В свое время В. И. Корецкий попытался выяснить главный источник «Временника» в освещении событий начала XVII в. Прямой ссылкой на этот чужой труд (или чужие труды) исследователь считает выражения типа «нецы сказуют (глаголют)», не раз встречающиеся у Тимофеева.² Однако эти выражения скорее можно рассматривать как ссылки не на письменный, а на устный источник, на слухи. Согласно «Временнику», холопы Владимира Андреевича Старицкого оклеветали своего господина, «глаголаша», будто он домогается царства. Дьяк спрашивает, где «некогда глаголющие», что Борис Годунов невиновен в угличском деле; спорит с теми, кто «глаголет в нас», будто в пережитых и свершающихся бедах «повинен» «божий суд». Публицист замечает, что тушинцы «лжу сшивающе, глаголаша яко сохранишуся» царю Дмитрию, а бежавшие в 1608 г. из Новгорода «сказаша» о трудностях пути, «глаголаху» о своих намерениях в ответ на «глаголение» новгородцев. По утверждению дьяка, ему «сказаша» единоверцы, ранее «в содружестве на ны бывшеи» с «литвой», «что противнии некогда негде глаголаше им», будто Скопин-Шуйский достоин королевствовать над ними. Тимофеев признает, что о походе Скопина из Новгорода к Москве он знает по слухам. Следом говорится, что о Скопине «сказуют», будто враги не раз задерживали его. Тимофеев пишет, что о бегстве татар в 1591 г. все вельможи «сказующе патриарху же и царю». Русского ратника, допрошенного тогда крымцами, он называет «сказателем».³ По словам публициста, «сказуют», что М. И. Воротынский

¹ См.: Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1951. С. 362, 405 («Литературные памятники»); Временник. . . С. 466, примеч. 67; 495, примеч. 262. — Указано также на возможность использования дьяком «Истории» Авраамия Палицына и псковских летописцев. Мнение же П. Г. Васенко и О. А. Державиной о знакомстве Тимофеева с житием Никиты Переяславского, на наш взгляд, нуждается в уточнении: «Временник» близок к «Сказанию о новейших чудесах Никиты Переяславского», сопровождающему его житие в милютинских четьях-минях. См.: Временник. . . С. 20, 21, 183—185; Т и х о м и р о в М. Н. Российское государство XV—XVI веков. М., 1973. С. 75—78.

² Корецкий В. И. Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники. 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 115, 116.

³ Временник. . . С. 23, 36—37, 40, 44, 98, 122, 130, 131, 137, 143, 186, 201, 205, 209, 270, 296, 305—307, 313, 320. В таком же значении о сказателях говорится в «Ином сказании» (РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 97).

был искусен в военном деле, а двух предателей, «василиска и аспида», превзошел злобой какой-то мелкий купец.⁴ В. И. Корецкий раскрывает эти ссылки как указания на устные рассказы.⁵ Далее автор «Временника» неоднократно прямо ссылается на письменные источники («писания» из жития Никиты Переяславского, «животные книги», притчи, священное писание, памятник, названия которого не помнит),⁶ но ни разу не отмечает в этой связи «глаголания» «нецых». Последняя формула и в ряде современных Тимофеевской «книге» памятников обозначает только молву. Например, в Пискаревском летописце о поставлении Грозным на царство Симеона Бекбулатовича читаем: «А говорили нецых, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва в людех про то».⁷ Авраамий Палицын со ссылкой на «глаголание» «нецых» пишет о вызывающих действиях Лжедмитрия I по отношению к крымскому хану. Он следует устной версии, в достоверности которой сам не был уверен.⁸ Подобно Тимофееву⁹ многие его современники различали «глаголание» и «писание» и недвусмысленно ссылались на письменный источник в случае его использования.¹⁰

Ссылка «глаголют нецых» впервые сделана дьяком в рассказе о смерти Грозного, якобы вызванной действиями Бориса Годунова, Богдана Бельского и одного их сообщника, не названного по имени. С той же ссылкой эта версия утверждается в «Летописце вкратце» — резюме «Временника».¹¹ О. А. Державина и Д. С. Лихачев полагают, что смерть Грозного окружается у Тимофеева пародийной молвой.¹² В. И. Корецкий возводит свидетельство дьяка к литературному источнику, в другой работе он указывает, что сразу после кончины Грозного в Москве стали ходить родившиеся в ходе дворцовой борьбы упорные слухи о его умерщвлении Б. Бельским и Борисом Годуновым.¹³ Согласно Новому летописцу, дьявол «вложи

⁴ Временник. . . С 39, 142, 203, 319. — Под «василиском», «аспидом» и мельчаним «козмиком» В. И. Корецкий справедливо понимает М. Г. Салтыкова, В. Ф. Мосальского и Ф. Андропова. (См.: К о р е ц к и й В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 156). Однако заметим следующее: называя этих предателей на посольском съезде 1615 г., И. М. Воротынский мог следовать правительственному наказу, а не собственным воспоминаниям. Тимофеев же прямо пишет, что эти изменники — бывшие воеводы Орешка и Ладоги, которыми были именно Салтыков и Мосальский. Они, а также Андронов фигурируют в качестве предателей уже в так называемой «смоленской» грамоте начала 1611 г. (См.: Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 78, 232).

⁵ К о р е ц к и й В. И. Новые материалы. . . С. 155, 156; ср. с. 167.

⁶ Временник. . . С. 20, 21, 28, 60, 64, 71, 77, 82, 83, 86, 98, 105, 109, 137, 155, 183, 184, 192, 228 и др.

⁷ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 192; ср. с. 96, 113, 212, 215. См. также: Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть. . . С. 198, 206, 208; ср. с. 233 и др.

⁸ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 114; ср. с. 172, 182, 185, 205, 222; ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 147 (неизданная редакция «Истории»).

⁹ Временник. . . С. 42, 207.

¹⁰ См.: Сказание. . . С. 110, 260; РИБ. Т. 13. Стб. 98, 1313; ср. стб. 38, 113, 927, 932; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 319; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 2, 7; Сборник Русского исторического общества. М., 1913. Т. 142. С. 248; ср. с. 222; Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета, составленное А. И. Артемьевым. СПб., 1882. С. 67; Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть. . . С. 208, 209 и др.

¹¹ Временник. . . С. 15, 151, 178, 328.

¹² См.: Временник. . . С. 456, примеч. 22; Л и х а ч е в Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 20.

¹³ См.: К о р е ц к и й В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 196, 197. — Исследователю представляется достоверным и сообщение новгородского летописца об обвинении Бориса Годунова митрополитом Дионисием и крутицким епископом Варлаамом Пушкиным «перед царем за некоторое несправедное убийство», под которым нужно понимать смерть Грозного. (Там же. С. 203).

в человецы мысль такую», что Бельский со «своими советники извел царя Ивана Васильевича». О насильственной смерти Грозного со ссылкой на «глаголение» «недых» говорится также в Московском летописце начала XVII в. и Латухинской степенной книге; татищевская «Выписка из истории» с начала царствования Федора Ивановича обвиняет в смерти Грозного Б. Бельского — ближнего «свойственника» Бориса Годунова. Но мысли В. И. Корецкого, все эти известия почерпнуты из знакомой В. Н. Татищеву, но затем утраченной летописи «о разорении русском» Иосифа, келейника патриарха Иова.¹⁴

Относительно Московского летописца это вызывает серьезные сомнения. Его автор скорее всего принадлежал к кремлевскому соборному духовенству, а не к патриаршему окружению. Исследователи Московского летописца справедливо подчеркивают, что в нем проромановская тенденция проводится в ущерб Иову, а его составитель сочувствует митрополитам Антонию и Дионисию, патриарху Гермогену, но не Иову.¹⁵

В. И. Корецкий находит сходными версии о смерти Грозного, проводимые во «Временнике» и Новом летописце. Однако если Тимофеев пишет о возможности насильственной смерти Грозного, даже склоняется к этому мнению, то в Новом летописце оно решительно отвергается, объявляется дьявольским. Поэтому вряд ли можно полагать, что в данном случае Новый летописец и «Временник» имеют общий источник. Границы использования дьяком этого источника определяются, по мнению исследователя, указанием Тимофеева, что вскоре после смерти Грозного Борис Годунов победил вельмож одного за другим «и яже по сих — о сем пространнее впереди слово о нем бывшая изъяви». Поскольку во «Временнике» нет подробного изложения борьбы Годунова с боярами, то в данном случае Тимофеев якобы ссылается на свое повествование о воцарении Бориса и его свержении «расстригой».¹⁶ Думается, автор «Временника» действительно ссылается на собственное повествование, а не на чужой труд,¹⁷ однако едва ли имеет в виду свой рассказ о воцарении Бориса и низложении Годуновых. Ведь Тимофеев пишет, что Борис вскоре одолел тех «сентяряров», кто после смерти Грозного высокомерно не замечал Федора Ивановича. Эти слова перекликаются с утверждением дьяка, будто в начале своего «обладания» Борис удалял от царя и сылал «величайших». Учтем и свидетельство Тимофеева о том, что при Федоре Ивановиче правитель насильно постриг многих боярских дочерей, опасаясь как бы по побуждению «неких» царь не женился вновь из-за «неплодства» Ирины Годуновой.¹⁸ Вспомним, что в 1586 г. оппозиция как раз добивалась развода царя с Ириной и его нового брака в целях «чадородия». Расправу правителя с вельможами — великими столпами государства — дьяк рассматривает в качестве его первого убийства, за которым последовало «одоление» правителем «благородных» — это подробно описанные во «Временнике» события 1591 г., открывшие «срабному» Борису путь к престолу. К тому же о борьбе Годунова с боярством подробно говорится не только

¹⁴ См.: К о р е ц к и й В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1973. Вып. 5. С. 275—276, 278, 283; 2) Об основном летописном источнике. . . С. 116—117; 3) Смерть Грозного царя // ВИ. 1979. № 9. С. 94—98, 101, 103.

¹⁵ См.: Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И. Неизвестный Московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 130, 136; ср. с. 129.

¹⁶ См.: Временник. . . С. 16, 178; К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 117.

¹⁷ Тимофеев очень часто ссылается на свои предшествующие или последующие «слова». См.: Временник. . . С. 18, 19, 21, 22, 26, 28, 37, 43, 44, 47, 51, 57, 59—60, 181, 182, 185, 189, 192, 201, 208 и др.

¹⁸ См.: Временник. . . С. 46, 62, 211, 230; ср. с. 47, 212.

¹⁹ Временник. . . С. 94, 265—266.

в Новом летописце и Латухинской степенной книге, но также в «Повести, како отомсти», послужившей источником «Повести, како восхити» и «Иного сказания», в «Сказании о Гришке Огрепьеве» и Пискаревском летописце,²⁰ знакомство авторов которых с «Историей Иосифа о разорении русском» слишком сомнительно.

Ссылка на «глаголение» «нецых» в рассказе о смерти царевича Ивана Ивановича, как отмечает сам В. И. Корецкий, есть не только во «Временнике», но и в хронографе второй редакции.²¹ Учтем также, что о царствовании Грозного дьяк пишет то, что «на память слышанием взыдоша».²²

Со ссылкой «глаголют неции» Тимофеев обвиняет правителя в смерти Федора Ивановича. Подтверждение тому дьяк видит в причастности Бориса Годунова к смерти царевича Дмитрия, о чем известно не только всем людям, но небу и земле. Последующее отступление о виновности «господоубийцы» (Бориса) и попустивших ему современников завершается словами: «А еже колик и каков того умолчание суть еже и о равнобратоубийстве и еже о царех, неискуснии во утвержение сии книги да почтут. И паки предиреченным имемся». По В. И. Корецкому, здесь дьяк отсылает читателя к другому письменному источнику, что обычно для компиляторов.²³ Однако сам исследователь замечает, что дьяк отошел от простого компилирования. К тому же аналогичную формулу («И паки прежереченных имемся») встречаем после рассуждения дьяка о злощастной судьбе царевны Ксении.²⁴ Если «книги», о которых пишет Тимофеев, — достаточно известный труд, то почему он говорит о «сих» книгах? О. А. Державина, никак не комментируя значение местоимения, переводит приведенную цитату в следующем смысле: то что не досказано об убийстве двух братьев и о царях, пусть незнающие прочтут в этих книгах. Получается, таким образом, что дьяк призывает прочесть о недосказанном именно в тех книгах, в которых не досказано. Примечательно, что в рукописи сперва фигурировало слово «суд», а не «суть»,²⁵ т. е. речь шла о божьем суде за умолчание по поводу преступлений Бориса Годунова — убийств царей-братьев;²⁶ чтобы убедиться в тяжести этого суда, автор советует прочесть «сии» книги — на наш взгляд, его собственное сочинение, в котором пространно говорится о губительных последствиях пресечения царского рода и захвата престола «срабным» Борисом.²⁷ Далее Тимофеев не раз утверждает причастность Бориса к смерти Федора Ивановича без всяких оговорок либо со ссылкой на мнение многих.²⁸ Об убийстве царя Федора Годуновым читаем также в «Повести, како отомсти» и псков-

²⁰ См.: Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 241—243; РИБ. Т. 13. Стб. 720; ПСРЛ. Т. 34. С. 195, 196.

²¹ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 117. — «Бескорольеве» в Речи Посполитой наступило не в 1573 г., как пишет исследователь, а годом раньше; тогда же Литва в лице писаря М. Харабурды предлагала трон Федору Ивановичу. (См.: Базылев Л. Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1976. С. 150, 151, 156, примеч. 73). Это подтверждает известие Тимофеева, что после смерти Сигизмунда II Августа Литва просила у Грозного на престол Федора Ивановича.

²² Временник. . . С. 15, 177.

²³ Там же. С. 26—27, 190—191; Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 118—119, 122.

²⁴ Временник. . . С. 86, 257.

²⁵ Временник. . . С. 410, примеч. з, к, с к с. 24—33. — Следом за данным отрывком говорится о божьем суде за кровь царевича Дмитрия, за попустительство этому преступлению Бориса и «прочие злобы». (Там же. С. 28, 192).

²⁶ В дальнейшем Тимофеев дважды называет царевича Дмитрия царем (Временник. . . С. 49, 50, 215, 216; ср. с. 28, 44, 192, 209).

²⁷ Временник. . . С. 28, 32—33, 35, 94, 152, 160, 164, 192, 196—197, 199—200, 265—266, 330, 338, 342—343; ср. с. 77, 246. — Напомним, что дьяк пишет о «животных книгах», под которыми можно понимать знакомые ему азбуковники.

²⁸ Временник. . . С. 52, 62, 94, 151, 218, 229, 266, 328; ср. с. 59, 226.

ской повести «о бедах и скорбех».²⁹ Думается, права О. А. Державина, которая под данным указанием «Временника» на «глаголание» «нецких» видит ссылку на слухи.³⁰ К тому же в публицистике начала XVII в. пока не прослежено использование летописи Иосифа, которую В. И. Корецкий и считает достаточно известными книгами, названными во «Временнике».

В. И. Корецкий отметил точки соприкосновения между Новым летописцем и сочинением дьяка в рассказе об угличской драме. Он объясняет это наличием у авторов обоих трудов общего источника.³¹ Однако известие об участии А. Клешина в убийстве царевича Дмитрия основано на слухе.³² Согласно В. И. Корецкому, авторы Нового летописца и «Временника» сравнивают Бориса Годунова, как виновника смерти царевича, со Святополком. Но Тимофеев не упоминает Святополка, в гибели Бориса и Глеба он упрекает их братьев, а «господоубийцу» Бориса Годунова уподобляет Ироду.³³ В. И. Корецкий признает существенные различия между свидетельствами двух памятников о реакции Федора Ивановича на весть о смерти брата. Вдобавок укажем, что, согласно Тимофееву, в Углич послали сарского митрополита, а по Новому летописцу — кого-то «от властей»; дьяк иносказательно пишет о «благородном» вельможе, а летописец прямо говорит о *Василии Шуйском*. В отличие от Тимофеева автор летописца не сообщает о награждении правителем дальних родственников угличских убийц. Стилистическая близость между двумя памятниками в рассказе о гибели царевича, которую видит В. И. Корецкий, очень относительна. Перед летописным отрывком, берущимся исследователем для сопоставления, тоже читаем: «Тех же окаяных и убойцов. . . ; тое же . . . Волохову».³⁴ Как уже подчеркнуто А. А. Рудаковым, о скорби и плаче царя Федора по младшем брате говорится и в «Повести 1626 г.».³⁵ Различия между «Временником» и Новым летописцем в описании угличских событий В. И. Корецкий объясняет влиянием на дьяка окружающих грамот Шуйского. Но почему он предпочел их источнику, якобы общему у него с Новым летописцем?

В. И. Корецкий обращает внимание на то, что в летописце и «Временнике» говорится о молитве Федора Ивановича об избавлении от нашествия Казы-Гирея. Но об этом пространно сказано в повести о Федоре Ивановиче, явившейся, по мнению Л. В. Черешина, источником Нового летописца, и упомянуто в Пискаревском летописце и разрядах.³⁶

В разрядной книге редакции 1636 г. находим ту же последовательность событий 1591 г. (угличское дело, московский пожар, приход крымцев), которую В. И. Корецкий отмечает во «Временнике» и Новом летописце.³⁷ Дополнительно к указанным исследователем отличиям двух памятников в рассказе о допросе татарами русского пленного подчеркнем, что Тимофеев говорит о приходе на выручку Москве войск с Псковской земли,

²⁹ Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» . . . С. 243, 244, 246, 247; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 123. См. также: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 273; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 155.

³⁰ Временник. . . С. 466, примеч. 71—72. См. также: Тюменев А. И. Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия // ЖМНП. 1908. № 6, отд. 2. С. 342.

³¹ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 120, 121.

³² См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 140, примеч. 1.

³³ Временник. . . С. 31, 34, 43, 51, 94, 195, 199, 208, 217, 265. — Обвиняемый в гибели царевича Дмитрия Борис Годунов сравнивается со Святополком в псковской летописи. См.: Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.; Л., 1941. С. 123.

³⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 42.

³⁵ См.: РИБ. Т. 13. Стб. 564; Рудаков А. А. Развитие легенды о смерти царевича Дмитрия в Угличе // ИЗ. М., 1941. Кн. 12. С. 264.

³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 12—13; Т. 34. С. 197; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 442; ср. с. 443, 444, 447; Разрядная книга 1550—1636 гг. II. М., 1976. Вып. 1. С. 84.

³⁷ Разрядная книга 1550—1636 гг. II. Вып. 1. С. 78—85.

пытках пленного и о том, что по возвращении этот пленный поведал царю о положении в крымском стане и своем пребывании там. Но в отличие от летописца дьяк не пишет, будто допрашиваемый пугал татар выстушением новых русских сил той же ночью, а крымцы во время бегства все бросали и топтали друг друга. По мнению В. И. Корецкого, между свидетельствами двух произведений о допросе русского ратника имеется даже текстуальное сходство: обращения татар к пленному в передаче Тимофеева и летописца начинаются оборотом «чесо<чего> ради». Но такое выражение находим и в повествовании дьяка о распросах новгородцами бежавших из города,³⁸ да и вообще оно обычно в письменности того времени. В. И. Корецкий сближает свидетельства «Временника» и Нового летописца об основании Донского монастыря в память о победе над Казы-Гиреем. Но такое же сходство наблюдается между этими памятниками и повестью о Федоре Ивановиче с Пискаревским летописцем.³⁹

По утверждению Тимофеева, крымский царевич Мурат-Кирей умер в Астрахани в результате происков Бориса Годунова. В Новом летописце об этом не говорится. Между тем в конце XVI в. ходили такие слухи.⁴⁰ Дьяк мог узнать это и во время астраханской службы 1618—1620 гг. Согласно В. И. Корецкому, обвиняя царя Бориса в смерти Иоганна Датского, Тимофеев имел в виду тот эпизод, который описан в Новом летописце и у Татищева. Скорее, дьяк опять пользуется слухами. Известно, что Борис Годунов любил датского принца; кончина последнего, по словам Палицына, была невыгодна царю.⁴¹

Да и сам Тимофеев однажды указывает, что королевич был «любезен» Борису.⁴² На слухах основано и известие «Временника» о причастности Годунова к смерти Густава Шведского, который умер в 1607 г., а царем Борисом был лишь сослан. Повторяя слухи, ходившие в 1591 г., Тимофеев инкриминирует правителью последовавший за угличскими событиями пожар в Москве.⁴³

Из «Временника» узнаем, что перенесенные в Москву монеты царевича Дмитрия встречал патриарх Гермоген. В. И. Корецкий полагает, что в данном случае Тимофеев обратился к письменному источнику, близкому к Новому летописцу. В последнем, правда, встречавший монеты нового «чудотворца» патриарх не назван по имени. По весьма убедительному предположению С. Ф. Платонова, патриархом являлся тогда Филарет Романов, вскоре «скинутый» с престола.⁴⁴ В этой связи понятно умолчание официального летописца, созданного, возможно, в окружении Филарета. Но если думать, что «Временник» восходит в этом случае к «Истории» Иосифа, работавшего при Гермогене,⁴⁵ такая ошибка дьяка трудно объяснима. Фактическая неточность «Временника» связана, видимо, с забывчивостью автора, о чем пишет сам публицист.

³⁸ Временник. . . С. 131, 307.

³⁹ См.: Временник. . . С. 43, 60, 208, 227; ПСРЛ. Т. 14. С. 15, 43; Т. 34. С. 197. — В Московском и Кратком летописцах начала XVII в. отмечено, что бой с крымцами был там, где ныне расположен Донской монастырь. (См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 234; Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 121, 129).

⁴⁰ См.: Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 126.

⁴¹ См.: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 159 об.; Сказание. . . С. 109, 257; ПСРЛ. Т. 34. С. 203, 240; М а я с о в а Н. А. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 296—297; С к р ы н и к о в Р. Г. Борис Годунов. С. 141—142.

⁴² Временник. . . С. 85, 255.

⁴³ См.: Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 127; Т ю м е н е в А. И. Пересмотр известий. . . С. 342; З и м и н А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // ВИ. 1978. № 9. С. 107, 108.

⁴⁴ П л а т о н о в С. Ф. 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Переизд. М., 1937. С. 232—234; 2) Смутное время. ПБ., 1923. С. 85, 109. Ср.: С к р ы н и к о в Р. Г. Борис Годунов. С. 158.

⁴⁵ См.: Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 141.

По замечанию Тимофеева, о свержении Бориса Годунова «инде вядце сказася». В. И. Корецкий не берется решить, какой источник имеется здесь в виду. В следующей же ссылке (о падении «рабоцаря» «. . . и во других о сем пространнее речеса местех») он усматривает указание на тот источник, где говорилось об убийстве Борисом Годуновым царевича Дмитрия и Федора Ивановича.⁴⁶

Но ведь дьяк ссылается на рассказ о падении Бориса, а не об убийстве им сыновей Грозного, о чем, кстати, в татищевской «Выписке» умалчивается. Можно полагать, что в обоих случаях публицист говорит о собственном сочинении. Следует отметить, что В. И. Корецкий упустил из вида еще две подобные ссылки, содержащиеся в том же разделе «Временника».⁴⁷ Первая из них гласит, что о судьбе жены, сына и дочери царя Бориса «слово пространнее преди положися по своему чину». Ясно, что здесь имеется в виду дальнейшее изложение. Однако следом находим краткий и общий рассказ о низложении Годуновых.⁴⁸ Не исключено, что эта часть «Временника» сохранилась не полностью. Так, дьяк заявляет, что «выше рех» о прикосновении многих к телу «расстриги» во время его убийства. Но в сообщениях «Временника» о восстании против Самозванца этот момент обойден.⁴⁹ Возможно также, что рассказ о падении Годуновых вышел менее обстоятельным, чем замышлял автор вначале.

В. И. Корецкий подчеркивает, что во «Временнике» и Новом летописце говорится о плаче по Федору Ивановичу. Но об этом идет речь и в повести патриарха Иова, Московском летописце и Сказании о смерти Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова, читаемом в разрядах, в «Повести 1626 г.», приписываемой И. М. Кагыреву-Ростовскому или С. И. Шаховскому.⁵⁰ Исследователь отметил совпадение «Временника» и Нового летописца в датировке прошения Бориса Годунова на царство (вторник Сырной недели). Но эта датировка, как указывает он сам, встречается также и в Московском летописце. Ее находим в Соловецком летописце конца XVI в. и в грамоте Иова Гермогену, митрополиту Казанскому и Свияжскому, от 15 марта 1598 г. Из описи посольского архива 1626 г. известно, что такая же грамота была послана в Астрахань.⁵¹

Упомянув об изменнических действиях русских купцов во времена Смуты, дьяк прерывает свой рассказ: «. . .зде слово вмале сих, инде же многократно потонку речеса о них».⁵² Вслед за И. И. Полосиным В. И. Корецкий думает, что это ссылка на Новый летописец, где часто говорится об изменах дворян и купцов, или близкий к нему труд. Однако Тимофеев ведет речь только о кушцах, которые «корысть бо свою паче веры почтоша». Поэтому ссылка В. И. Корецкого на изображение в Новом летописце предательских действий бояр и окольничего М. Г. Салтыкова в 1610—1611 гг. не кажется обоснованной. О том, что во времена Смуты купцы пеклись

⁴⁶ См.: Временник. . . С. 48, 58, 213, 225; К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 130.

⁴⁷ Временник. . . С. 62, 72, 230, 240—241. — В последнем отрывке, как и в первом из упомянутых В. И. Корецким, Самозванец сравнивается с козлом.

⁴⁸ Временник. . . С. 83—86, 253—256; ср. с. 66, 81, 234, 251. — Вопреки подсчетам В. И. Корецкого, дьяк называет Лжедмитрия I «скименом» не один, а три раза. (Там же. С. 83, 94, 120, 253, 266, 295). Начиная с С. Ф. Платонова, это «слово» «Временника» объявляют иностранным. Между тем оно встречается в русском фольклоре. (См.: Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отд. 2. С. 66).

⁴⁹ Временник. . . С. 90, 113, 122, 261—262, 286, 296—297.

⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 19—21; Т. 34. С. 235; Б у г а н о в В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. (Записи в разрядной книге) // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 172—174; РИБ. Т. 13. Стб. 564, 632; ср. стб. 852—853.

⁵¹ См.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 145; Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печ. В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 316; Т и х о м и р о в М. Н. Русское летописание. Л., 1979. С. 206. Ср.: Разрядная книга 1550—1636 г. II. Вып. 1. С. 134.

⁵² Временник. . . С. 113, 286.

только о прибылях, презрев гражданский долг, неоднократно говорится в «Истории» Авраамия Палицына.⁵³ О предательстве торговца Ф. Андропова читаем и в Пискаревском летописце, Казанском сказании и Рукописи Филарета,⁵⁴ не говоря уже о документах 1611—1613 гг.

Согласно Тимофееву, после его отъезда в Новгород началась тушинская осада Москвы и умножилось самовластие по городам. Пламя божьего гнева обратило все в пепел, «яко же во всеположении многословне о сем речено бысть». Несомненно, дьяк говорит тут о письменном источнике. В. И. Корецкий склонен сближать его с Новым летописцем, где исключительно подробно повествуется о Смуте при Шуйском.⁵⁵ Но весьма обстоятельно движения Болотникова и Лжедмитрия II описаны также Палицыным, в Пискаревском летописце, Казанском сказании, Повести о победах Московского государства и Рукописи Филарета.⁵⁶ Далее Тимофеев ссылается на «всесложение», лишь подчеркивая разрушительный характер многолетней Смуты.

Новый летописец при детальном изложении событий 1606—1610 гг. на этом моменте специально не останавливается. Зато Палицын, по словам В. О. Ключевского, даже утомляет «расточительным обилием ужасных реальных красок разрушения».⁵⁷ Сходство «Истории» Авраамия Палицына и «Временника» в описании Смуты при Шуйском отметили еще С. Ф. Платонов и В. С. Иконников.⁵⁸ Близко к «Истории» и следующее указание Тимофеева, которое В. И. Корецкий рассматривает как ссылку на чужое сочинение. По словам дьяка, восстали «наша» друг на друга, разделились, «совокупишася со языки, и навькоша дела их и, инде речеса. изыдоша от нас». Палицын же пишет, что жители южно-русских окраин «навькоша» от соседней еретиков и отложились от Московского государства, став «работниками» Польши. Вслед за данной ссылкой читаем во «Временнике», что среди тушинцев были не только «мельчайшии . . . наша войны», но и царские сановники; они прельщали оставшихся в Москве и те изменяли царю, а родственники убивали друг друга хуже неверных, что удивляло даже врагов. Во многом эти отрывки перекликаются с 6-й главой «Истории».⁵⁹

По мнению В. И. Корецкого, «Временник» и Новый летописец «исключительно согласны» в рассказе о бегстве Скопина-Шуйского из Новгорода в 1608 г. Однако Летописец объясняет это бегство результатом «совета» молодого воеводы с М. Татищевым и Е. Телепневым, а дьяк объясняет его злым влиянием на Скопина двух не названных по имени «сначалаников». Вряд ли можно разделять мнение С. Ф. Платонова (с которым со-

⁵³ О соотношении произведений Палицына и Тимофеева см.: Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына: (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984, с. 12—23.

⁵⁴ См.: Сказание. . . С. 113, 119, 198—200, 263, 269—270; ср. с. 213; ПСРЛ. Т. 34. С. 212, 216, 219; Сборник Муханова. С. 305; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 231—233.

⁵⁵ См.: Временник. . . С. 114, 288; Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 133.

⁵⁶ См.: Сказание. . . С. 116—126, 128—193, 197—201, 205—207, 266—279; ПСРЛ. Т. 34. С. 211—212, 214—216; Сборник Муханова. С. 272—287; 293, 296, 297, 303—304; Тихомиров М. Н. Классовая борьба. . . С. 221—227, 230—232; Енин Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1977. М., 1977. С. 12, 18, 19, 21. — В. И. Корецкий почему-то утверждает, что о движении второго самозванца Палицын говорит «довольно кратко».

⁵⁷ См.: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. С. 75. См. также: Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.; Л., 1945. С. 328.

⁵⁸ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести. . . С. 158; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1839.

⁵⁹ См.: Сказание. . . С. 116—120, 266—270; Временник. . . С. 123—124, 298—299; ср. с. 125, 300.

гласен В. И. Корецкий), будто Летописец не обвиняет в бегстве самого Скопина, который и во «Временнике» представлен лишь жертвой. Ведь Скопин «советовал» об отъезде из Новгорода с Татищевым и Телепневым. Тимофеев в отличие от Летописца сообщает об измене Шуйскому не только Пскова, но и его пригородов и говорит не о переходе их на сторону «Вора», а о возникновении там самовластия.⁶⁰ В. И. Корецкий призывает, что ряд подробностей сохранил именно Тимофеев как очевидец бегства «сначалашников».⁶¹ Но зачем тогда дьяку нужно было сверять свой рассказ по другому источнику?

С оговоркой «скажут нецыи» дьяк обвиняет царя Василия в смерти Скопина-Шуйского. В. И. Корецкий усматривает здесь ссылку на чужое сочинение, близкое к Новому летописцу. Ведь Летописец намекает на причастность царя к смерти Скопина и подобно Тимофееву рассуждает о том, что своими победами Скопин был обязан богу, а умер в результате зависти людской. Но, как отмечает сам исследователь, в отличие от Летописца дьяк наводит читателя на мысль, что бог мог бы даровать Скопину царский венец. Звучащий в обоих памятниках тезис «о госпде» как верховном существе, обеспечивающем успех людской деятельности, типичен для средневековья. Далее Тимофеев прямо обвиняет Шуйского в смерти племянника, сравнивая их с Саулом и Давидом.⁶² Такое же сравнение находим у Палицына и в «Рукописи Филарета».⁶³ Троицкий келарь намекает на причастность царя к смерти Скопина, а в «Рукописи Филарета» со ссылкой «глаголют убо нецыя» говорится об отравлении Скопина княгиней Екатериной Шуйской, женой брата царя, на крестинном пиру.⁶⁴ На молву об отравлении полководца Екатериной Шуйской ссылается и Новый летописец. Сам Тимофеев в том же отрывке пишет, что «веде от слуха», будто все роды втайне были готовы видеть Скопина царем.⁶⁵ Поэтому вслед за Б. Н. Путиловым и Л. Н. Черепниным надо полагать, что о насильственной смерти Скопина-Шуйского дьяк знал по слухам,⁶⁶ а не из письменного источника.

В разделе «о князе Михаиле же Шуйском» читаем, что убитого Скопина «перводесподским почтоша плачем», т. е., в переводе О. А. Державиной, «таким плачем, как бы о царе».⁶⁷ В. И. Корецкий считает этот перевод неточным и по аналогии с Новым летописцем полагает, что Тимофеев сопоставляет плач о Скопине с плачем о Федоре Ивановиче, якобы первом царе, смерть которого вызвала плач. Однако Московский летописец сообщает и о плаче по Грозном.⁶⁸

В начале «Временника» дважды указано на всеобщее слезное рыдание

⁶⁰ Временник. . . С. 128—129, 303—304.

⁶¹ К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 135.

⁶² Временник. . . С. 135—136, 213—313.

⁶³ Сказание. . . С. 206; Сборник Муханова. С. 287. — Редактор «Рукописи» вычеркнул свидетельство о неприязни Шуйского к победоносному племяннику. В так называемом Казанском сказании про Скопина говорится, что «господь бог устрояше его дещицею своею» (Т и х о м и р о в М. Н. Классовая борьба. . . С. 228).

⁶⁴ И к о н и н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1836; Сборник Муханова. С. 287—288. — Об отравлении Скопина женой Д. И. Шуйского читаем и в повести о преставлении и погребении Скопина, хотя там подчеркнута скорбь царя о молодом полководце (РИБ. Т. 13. Стб. 1334, 1346). Со ссылкой на разговоры «нецыих» об отравлении Скопина читаем и во второй редакции «Повести 1626 г.» (РИБ. Т. 13. Стб. 683). См. также: Псковские летописи. Вып. 1. С. 119, 125—127.

⁶⁵ Временник. . . С. 136—313.

⁶⁶ См.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 378; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 457.

⁶⁷ Временник. . . С. 136, 312.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 229—230. — В статье, написанной В. И. Корецким совместно с В. И. Бугановым, высказан взгляд об использовании «Истории» Иосифа в этом летописце. См.: Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И. Неизвестный Московский летописец. . . С. 129.

о царевиче Иване Ивановиче.⁶⁹ «Десподами» Тимофеев называет всех правителей, включая иноземных принцев; царский род, в том числе царевича Дмитрия, он называет корнем «Российских деспод». ⁷⁰ Поэтому, думается, обращение к Новому летописцу вовсе не проясняет данный пассаж «Временника».

То, что в этих памятниках говорится о плаче по Скопину, еще не свидетельствует о наличии у них общего источника, как представляется В. И. Корецкому.⁷¹ Пространный плач о Скопине помещен в повести о его преставлении и погребении; этот плач отмечен и Палицыным, причем он уподобляет его стенаниям по царю.⁷² Тимофеев, не являясь свидетелем кончины и похорон Скопина, мог знать об этом по рассказам очевидцев.

В разделе «О таборех» дьяк замечает, что о Скопине — победителе тушинцев — «пространнее инде слово сказа», а потом обещает, что о походе Скопина из Новгорода к Москве «явлено в прочих скажется местех». ⁷³ По В. И. Корецкому, здесь имеется в виду труд, близкий к Новому летописцу, где поход Скопина описан наиболее подробно. Однако этот поход довольно обстоятельно изложен и в Повести о победах Московского государства, в «Рукописи Филарета», а также Палицыным.⁷⁴ Первую из данных ссылок можно рассматривать как указание на другие места «Временника», где весьма пространно говорится о Скопине.⁷⁵ Недаром Тимофеев замечает, что о беглецах из Новгорода «зде слово», а кроме имени, Скопин ни в чем не был схож с Татищевым, «якоже впреди слово скажет». О походе Скопина дьяк, бывший в Новгороде, знал лишь «вмале от слуха». ⁷⁶ Со второй ссылкой на повествование о походе ⁷⁷ сходна по форме еще одна, встречающаяся в «Летописце вкратце» (о бедствиях Смуты «подробну на се довленьми в подобных местех скажется ясно, не иже нами» ⁷⁸). В обоих случаях имеется в виду другой труд (или другие труды), но едва ли уже существующий (или существующие). Что Тимофеев не знает такого сочинения, видно из его слов: если найдется «сложение. . . добрейши и совершенейши» «Временника», последний кротко отступит. Но автор не верит, чтобы человек мог полностью воссоздать картину Смуты, это, по его мнению, доступно лишь «богоподобному». В другом месте публицист прямо указывает, что пока нет «ритора», способного рассказать о пережитом «витейством краткословне», никто не может выразить перенесенного Москвой и Новгородом зла. В концовке «Временника» автор заявляет, что о походе Скопина расскажут его участники, а события

⁶⁹ Временник. . . С. 19, 22, 182, 185. — Первое из этих свидетельств отметил Р. Г. Скрынников. (См.: С к р ы н и к о в Р. Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. С. 95).

⁷⁰ Временник. . . С. 45, 133, 152, 211, 309, 330; ср. с. 77, 161, 246, 339.

⁷¹ К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 131, 137.

⁷² См.: РИБ. Т. 13. Стб. 1335—1346; Сказание. . . С. 206.

⁷³ Временник. . . С. 126, 143, 301, 320.

⁷⁴ См.: Е н и н Г. П. Неизвестная повесть. . . С. 12—13; Сборник Муханова. С. 282—290; Сказание. . . С. 131, 180, 187—190, 192—194. — Согласно В. И. Корецкому, о походе Скопина Палицын рассказывает предельно кратко, да и то с момента подхода освободительной рати к Троице (см.: К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 134, 138). Однако келарь упоминает о Тверском сражении и подробно говорит о Калязинском. Это описание Калязинского сражения попало в повесть о «рождении» Скопина, что отмечено у С. Ф. Платонова, В. Ф. Ржиги и Г. П. Енина. По словам В. И. Корецкого, И. И. Полосин атрибутирует повесть о «рождении» Скопина Тимофееву. (Там же. С. 134). Но в данном случае И. И. Полосин имеет в виду ту повесть о Скопине, которую считает частью «Временника». См.: П о л о с и н И. И. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1949. Т. 60, вып. 2. С. 153.

⁷⁵ Временник. . . С. 127—137, 142—143, 303—314, 318—320.

⁷⁶ Там же. С. 134, 135, 142, 311, 320; ср. с. 127, 149, 303, 327.

⁷⁷ В. И. Корецкий относит ее к 1614—1617 гг. Однако данный отрывок не содержит хронологических реалий. Ссылка могла быть сделана и в 1610 г., когда войска Скопина заставили тушинцев отступить от Москвы, и после освобождения Новгорода от шведов (1617 г.).

⁷⁸ Временник. . . С. 152, 330.

Смуты подробно опишут очевидцы и умеющие писать. Сам же Тимофеев был свидетелем лишь немногих событий, о немногих слышал; из этого он рассказал то, что вспомнил.⁷⁹

В. И. Корецкий отмечает, что во «Временнике» и Новом летописце высоко оценивается как борец с «латынством» Гермоген и гневно обличаются предатели М. Салтыков и Ф. Андронов. Но это свойственно множеству документальных и нарративных источников того времени, начиная с патриотических грамот и «Новой повести».⁸⁰

Ссылка на другой труд (или другие труды), содержащаяся в «Летописце вкратце», сделана в рассказе о лихолетье, паступившем ввиду прекращения династии со смертью Федора Ивановича. Как подчеркивает В. И. Корецкий, пресечение «корени» Грозного и в Новом летописце рассматривается в качестве причины Смуты. Однако на прекращение династии с кончиной Федора Ивановича сетовал еще патриарх Иов. Этот мотив повторяется во многих литературных произведениях и документах начала XVII в.⁸¹

По мнению В. И. Корецкого, «Временник» и Новый летописец сходно определяют социальную среду, «поставлявшую» самозванцев. Но это сходство представляется нам весьма отдаленным: Летописец говорит о неведомо откуда взявшихся боярском человеке и пашенном мужике, а Тимофеев — о «мельчайших безымянных людях», «паче же от последних страдническия четь». ⁸² Заметим, что в палицынской «книге» и Пискаревском летописце подчеркнута холопское происхождение Лже-Петра.⁸³ Взгляд, что самозванцы начала XVII в. выдвигались из низов, был широко распространенным. Так, в 1625 г. в Перемышльском уезде ильинский поп заявил казаку Д. Федорову, что раньше казаки «воровали», «царей заводили».⁸⁴

Согласно Новому летописцу, после рождения царевны Феодосии «бысть радость на Москве велия». Тимофеев же пишет, что «тогда в людях премнога сотворися радость».⁸⁵ В. И. Корецкий усматривает между этими сообщениями текстологическую зависимость, но, как представляется, она относительна. К тому же Летописец говорит о радости только в Москве, а известие Тимофеева носит обобщенный характер. Не кажется доказательным и заключение В. И. Корецкого о терминологической близости двух памятников в рассказе об освобождении Москвы. Летописец припи-

⁷⁹ Временник. . . С. 118, 126, 148, 149, 164—167, 292, 300—301, 325, 327, 352—346.

⁸⁰ Дробленкова Н. Ф. Новая повесть. . . С. 33—35, 37—39, 44—45, 49—53, 66, 69—71, 76, 80, 90, 135—136, 158—159 и др.; Сказание. . . С. 213, 228; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Предисл. С. А. Белокурова. 2-е изд. М., 1906. С. 38, 39; Белокурова С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 22; ср. с. 59; Разрядная книга 1550—1636 гг. II. М., 1976. Вып. 2. С. 262, 263; Сборник Муханова. С. 303—306; Тихомиров М. Н. Классовая борьба. . . С. 231—233.

⁸¹ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 2, 18—19; Т. 34. С. 189; ср. с. 194; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти. . .» С. 243, 244, 246, 247; Кушнина М. В. Неизвестное писание о начале «Смуты» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 197; Утвержденная грамота. . . С. 48; Зимин А. А. Акты Земского собора 1613 г. // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 19. С. 189; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 11 и др.; Псковские летописи. Вып. 1. С. 118; Сборник Муханова. С. 183, 299.

⁸² Временник. . . С. 32, 196; ПСРЛ. Т. 14. С. 89.

⁸³ Сказание. . . С. 116, 266; ПСРЛ. Т. 34. С. 211, 214. — «Воровские» цари называются «страдниками» и в грамоте боярского правительства в Ярославль от 26 января 1612 г. (СГГД. Ч. 2. № 277). См. также: Сб. Русского исторического общества. М., 1912. Т. 137. С. 414.

⁸⁴ Новомбергский Н. Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. М., 1911. Т. 14. С. 17, 18.

⁸⁵ Временник. . . С. 152, 329—330; ПСРЛ. Т. 14. С. 45. — Вдобавок к названным В. И. Корецким произведениям, упоминающим Феодосию, укажем повесть о Федоре Ивановиче, Пискаревский и Бельский летописцы (ПСРЛ. Т. 14. С. 16; Т. 34. С. 198, 238).

сывает это освобождение «последним людям» Московского государства, Тимофеев же пишет в данной связи о малых «останках» людей.⁸⁶ Однако в другом месте, как отметила О. А. Державина, автор «Временника» говорит об «останках земных».⁸⁷ О малых останках (останке) православных христиан («рода христианского»), останках людей читаем у Палицына, в «Рукописи Филарета», патриотических грамотах 1611—1612 гг.⁸⁸ Так что здесь мы просто сталкиваемся с вариациями стилистического трафарета.

Добавим, что В. И. Корецким не учтены еще ссылки «Временника». В рассказе о серпуховском походе Бориса Годунова дьяк сообщает, что «снеговидный» палаточный город царя, «глаголати неким, могущь же некогда и устрашити» путников при первом взгляде, а потом и удивить.⁸⁹ Видимо, тут передаются отзывы очевидцев, которые дьяк слышал в 1598 г. (с такой оценкой палаточного лагеря царя Бориса встречаемся только во «Временнике»). Указав на «бесчестнейшее» низложение Шуйского, Тимофеев замечает, что позже о «сем самовенечнике» «паки с прочими пространнее инде слово скажет». Следом он снова пишет о том, что «ниизвержение же бесчестное сего венечника подробно сповесться в прочее».⁹⁰ Чуть дальше помещен обширный плач о свержении царя Василия,⁹¹ к которому, очевидно, и отсылал Тимофеев читателя. Предполагать использование здесь другого повествовательного источника нельзя и потому, что, по словам дьяка, о низложении Шуйского он узнал «вмале. . . от слуха». Не имея конкретных сведений об этом событии, Тимофеев и прибег к плачу.⁹²

То, что лишь во «Временнике» и татищевской «Выписке. . .» приведены конкретные данные о неприязни царя Бориса к Шуйским, еще не свидетельствует об их зависимости от одного источника, ибо эти данные не аналогичны.⁹³ Вообще ни одно из 14 свидетельств Татищева, сопровождающихся прямыми ссылками на уникальную летопись, не находит близких параллелей во «Временнике». Сам В. И. Корецкий не раз указывает, что в отличие от Тимофеева Иосифа привлекали перипетии закрепостительного законодательства Бориса Годунова.⁹⁴

Итак, в отличие от В. И. Корецкого, нам представляется, что ссылки «Временника» едва ли можно рассматривать как показатель зависимости Тимофеева от другого публицистического труда, а близость «Временника» и Нового летописца в ряде пунктов не свидетельствует о наличии у них общего источника — «Истории Иосифа о разорении русском». Последнюю, таким образом, нельзя причислять к литературным произведениям, знакомым Тимофееву.⁹⁵

⁸⁶ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 128, примеч. 27.

⁸⁷ Временник. . . С. 91, 263, 491, примеч. 232.

⁸⁸ Сказание. . . С. 239, примеч. 90; ср. с. 194; Сборник Муханова. С. 273; СГГД. Ч. 2. С. 495; Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 234. Ср.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести. . . С. 110; Дробленкова Н. Ф. Новая повесть. . . С. 228, 229, 232.

⁸⁹ Временник. . . С. 58, 224. — В другой работе В. И. Корецкий считает, что дьяк видел этот палаточный городок. (См.: Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 150).

⁹⁰ Временник. . . С. 101, 103, 274, 275. — В статье об «Истории» Иосифа В. И. Корецкий использует рассказ Тимофеева, где сделана первая из этих ссылок. (См.: Корецкий В. И. «История Иосифа о разорении русском. . .» С. 274).

⁹¹ Временник. . . С. 106—108, 279—281.

⁹² Там же. С. 106, 279. См. также: Киреева Р. А. В. О. Ключевский. . . С. 73; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 17. С. 460.

⁹³ О гонениях царя Бориса на Шуйских упоминает и Палицын (Сказание. . . С. 238).

⁹⁴ Корецкий В. И. 1) Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 287; 2) Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // ВИ. 1971. № 5. С. 133; 3) Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 79.

⁹⁵ Нам уже приходилось сопоставлять выводы В. И. Корецкого об использовании «Истории» Иосифа в литературе XVII в., в частности Мазуринском летописце. См.:

По наблюдению В. Д. Назарова, судьбу Ксении Годуновой автор Нового летописца излагает сходно только с Тимофеевым. Поэтому исследователь предполагает, что летописец знал сочинение знаменитого дьяка.⁹⁶ Некоторые факты косвенно свидетельствуют в пользу этой гипотезы. Как показал В. И. Корецкий, на рубеже 20—30-х гг. XVII в. Тимофеев жил в Москве и пользовался расположением Филарета, который мог знать о «Временнике».⁹⁷ Глава Записного приказа дьяк Т. Кудрявцев помнил Тимофеева как создателя «временных книг» и хотел разыскать его сочинение, чтобы воспользоваться им при создании нового труда по русской истории.⁹⁸ Думается, что некоторые случаи близости «Временника» и Нового летописца, отмеченные В. И. Корецким (известия об угличском деле, допросе крымцами русского пленного, бегстве из Новгорода Скопина-Шуйского), вполне объяснимы в свете этой гипотезы.

Солодкин Я. Г. По поводу «Истории о разорении русском» Иова-Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 438—439.

Вывод о зависимости «Временника» от «Истории» Иова-Иосифа (Траханиотова) В. И. Корецкий повторил в недавно изданной книге: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 57, 205—230.

⁹⁶ Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 310, примеч. 36.

⁹⁷ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 159—164, 167. — По предположению исследователя, патриарх знал о сочинении дьяка от своего зятя И. М. Катырева-Ростовского, якобы использовавшего «Временник» в своей повести о Смуте. Однако принадлежность «Повести 1626 г.» Катыреву точно не установлена.

⁹⁸ См.: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 62—63. — Это опровергает утверждение И. И. Полосина, будто «Временник» был непригоден для официального летописания. (См.: Полосин И. И. Иван Тимофеев. . . С. 191).